

Тинатин Мжаванадзе

ЛЕТО,
БАБУШКА
И Я

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
М56

Серия «Люди, которые всегда со мной»

Дизайн обложки и оформление макета книги:

Юлия Межова

На обложке использована
иллюстрация *Дарии Марцин*

Мжаванадзе, Тинатин

М56 *Лето, бабушка и я / Тинатин Мжаванадзе.* —
Москва: Издательство АСТ, 2019. — 347, [3] с. —
(Люди, которые всегда со мной).

ISBN 978-5-17-118646-3

Эта книга — девятнадцать лет детства и юности одной девочки, главную роль в которых играла бабушка. Строгая, добрая и заботливая грузинская бабушка, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Книга соткана из отдельных невыдуманных историй из жизни: забавных, трогательных, щемящих и радостных.

И пусть девочка выросла в итоге не совсем такой, какой хотела ее слепить бабушка, но зато уверенная в том, что самое важное в жизни — это большая любовь, безоглядная и всепоглощающая.

Эта книга — дань признательности всем чудесным бабушкам, память о которых сжимает нам горло и заставляет скучать по ним даже когда мы сами станем мамами и бабушками.

© Тинатин Мжаванадзе, текст, 2015

© Дария Марцин, обложка, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

ГОРОД ХОЗЯЙКИ ДОЖДЕЙ

Из всех мест, вверенных ей по работе, Хозяйка дождей больше всего любит этот город. Высунувшись с крепкого домашнего облака, сложив круглые руки под обширной грудью, Хозяйка осматривает свои владения — вот он свернулся вокруг тихой бухты, на полуострове, похожем на ладонь в море.

Хозяйка дождей трудится здесь, не покладая рук — перелистывая прозрачную Книгу Всех Дождей, она пробует каждый раз новый рецепт: то легкий морозящий дождик, освежающий лакированные листья магнолий, то многодневный тягучий дождь, заливающий улицы бурлящими потоками, то ревущий ливень, разрывающий звонкие водосточные трубы.

Иногда на домашнее облачко возвращается супруг ее, Ветер, запахивая на лету плащ, и копыта его коня стучат по мостовой, опрокидывая бочки с водой. Вода выливается на город потоками, а бочки гремят по булыжникам, и люди прячутся в домах, прижимая к себе детей и выглядывая в запертые окна в непроглядное небо. Не бойся, говорят они, это гроза, она скоро кончится, и завтра будет солнце.

Иногда смешливые дети Хозяйки дождей и Ветра, улучив минутку, поливают город из лейки, сияя

прозрачными акварельными глазами, и солнце рас-
терянно светит сквозь шелестящие струи, и над го-
родом встает радуга.

Когда Ветер уезжает по делам, Хозяйка вспоми-
нает свою молодость и нажимает кнопку «Дождь
для влюбленных». Он льет грустными холодными
слезами, отражая фонари, и влюбленные тоскуют
и начинают писать стихи. А те, кому повезло найти
ответную любовь, идут под этот дождь с большими
черными зонтами и ходят, обнимаясь, потому что
только уединившись, можно понять, кто спасет тебя
от холода.

Если Хозяйка не в настроении, она откручивает
вентили до предела и идет спать, не считая, сколько
ведер и даже бочек воды уйдет в этот раз, и люди
смотрят в небо и собираются друг к другу в гости.
Покупают по дороге горячий хлеб, завернутый во
вчерашнюю газету, прячут его за пазуху и шлепа-
ют по лужам, зная, что белье не высохнет, машина
все равно грязная, постель сырая, и лучший способ
пережить многодневный дождь — собраться возле
печки всем вместе и разговаривать о пустяках. На
печке жарят кофе в зернах, а потом мелют его в тя-
желых ручных мельницах, и этот запах вперемеш-
ку с чесноком долетает до спящей Хозяйки дождей,
и она вздыхает и переворачивается на другой бок.

Вдоль пустой улицы, похожей на венецианский
канал, обязательно бредет одинокий путник, с под-
нятым воротником и мокрой головой, засунув руки в
карманы. И какой-нибудь ребенок обязательно сле-
дит за ним из-за кружевной занавески, стоя в теп-
лом доме на подоконнике, и его безмятежная душа
вдруг впервые издаст звук осени, отозвавшись на

грусть одинокого путника посреди мокрого города, и ему откроется красота свинцового неба, серых гор в дымке и неприветливых волн, источающих запахи йода и нефти.

И когда Хозяйка дождей, спохватившись, забéгает по облачку, перекрывая вентили и подсчитывая убытки, и подзывая Ветер для разгона облаков и подсушивания промокшего насквозь города, то окажется, что в нем уже необратимо родился еще один поэт. Он будет писать стихи, рисовать или петь, не важно — именно в дождь происходит это рождение.

Ничего-ничего, ворчит Хозяйка, зато тут все растет, как нигде — смотрите, сколько зелени! Солнце выпаривает влагу, та напитывает воздух, и растения буйствуют, раздуваясь как дрожжевое тесто.

Даже в самых укромных уголках — на крышах, на стенах, заборах, в каменных нишах — нет-нет да и проклюнется отважное крошечное деревце, а уж мхом покрыты все-все старые камни.

Летом Хозяйке работы поменьше — ей хочется лучше рассмотреть небо цвета медного купороса, море цвета собственных глаз, зеленые заросли и белые дома, и вскоре солнце высушивает город до того, что люди устремляют вверх блуждающие взгляды и просят прохлады. И тогда Хозяйка ставит на край облачка много-много ведер и кивает детям, и те с визгом выливают на город теплую воду, от которой шипит асфальт и пахнет мокрыми зонтами и псиной. Молодые девушки берут в руки босоножки и шлепают прямо по воде, запрокидывая головы, а молодые люди сидят под навесами и одобрительно свистят им вслед.

В этом городе, который называется Батуми, я и родилась.

У меня есть мама, папа, брат, сестра. Еще есть дядя, тетя, двоюродные брат и сестра — это самые близкие; и еще есть целая толпа разных дядей и тетей подальше, у них, в свою очередь, есть дети, очень много, они мне все приходится родней, причем как с папиной, так и с маминой стороны. Но это не главное.

Главное — у меня есть бабушка. Правда, есть дети, у кого и бабушек две, и еще дедушки есть, а у меня — ни одного родного дедушки в живых, родные умерли до моего появления, а двоюродных так много, что они за дедушек и не считаются.

Так вот, бабушка у меня одна-единственная, но именно такая, какая и должна быть у человека. Не всем настолько везет — так уж вышло, что именно мне досталась самая главная бабушка в мире. Это не просто так, я ведь тоже — самый главный ребенок в мире, все взаимосвязано и закономерно.

Я долго думала, что мою бабушку зовут Дидэда. Оказалось, что это означает — «большая мама», а зовут ее — Фати. Я ее называю — дидэ.

Очень сочувствую бедным детям, которых растят одни лишь мамы и папы. Очень. Они представления не имеют о том, что такое настоящее воспитание.

ПРОЛОГ-МОНОЛОГ

— ...Поселимся где-нибудь на новом месте, дом какой-нибудь развалюха или квартирка чужая съемная, я как огонь — все вылижу, чистоту наведу, занавески повешу, всему свое место определю, начинаем жить.

Думаю — надолго ли? Мне же гнезда своего хотелось, я и огородик тут же разводила, у меня в мечтах все свое, и свежее, и вкусное, и денег зря не тратим — где у нас было лишнее, и только мне урожай собирать время пришло — как солнце мое является, командует: собирайся, жена, на новое место перевели!

Жалко было до слез. Опять все пособираю, в узлы завяжу, все наши пожитки на «полуторатонку» закинут, и детей туда же, едем на новое место.

Один раз я попросила: все равно же ты дома не бываешь днем почти никогда, давай ты нас оставишь на одном месте, я тут буду с детьми одна управляться, мне это в радость, а ты работай себе и приезжай нас проведать. Да ты что, — взвился тут же. Как я без вас?! Если я вечером не приду, свою красавицу не увижу и детей не перецелую, зачем мне эта жизнь вообще?

Ну, а мне что делать — опять на новом месте разгружаюсь, дом перемою, все разложу, и опять иду огородик разводить.

Один раз привел он ко мне важного гостя, ученого, у нас часто гости были, солнце мое любил народ, застолье, хлебосольный был хозяин, но тут человек пришел особенный. Я такой стол накрыла! Они весь вечер какие-то книги, альбомы рассматривали — это Вавилов был, потом сказал мне, великий человек. Его тоже потом арестовали.

А дед твой на второй день принес большую коробку — это тебе, мол, красавица моя, за то, что такая ты у меня хорошая женошка и прославила меня! Открываю — а там пудры, помады, бусы, духи! Вот на фотографии я в этих бусах. У кого еще такой муж был?

Потом вот это случилось, жизнь моя рухнула, осталась я в двадцать семь лет вдова — не вдова, как прокаженная, и в таком страхе, что и меня заберут. Собрала котомку, в ней все на случай ареста. Они же ночами приходили, вот я и ждала ночью, спать не могла. Ушел мой сон. Дети ничего не понимали, и я думала — что мне с ними делать? Кому их оставить? Спасибо деверю, он мне сказал: не бойся, Фати, мы детей, если что, заберем и вырастим, но ты крепкая женщина, ты все сможешь.

Я перестала бояться всякой ерунды. Ломала себе руки, язык хотела вырвать — как мы хорошо жили, как я смела жаловаться! Ну и что, каждый раз на новом месте, ну и что? Солнце мое, без него от меня меньше половины осталось. А мне надо было детей на ноги ставить. Без отца — всякий мог в них пальцем ткнуть и сказать, что мать не справилась.

А я верила, что он вернется, — десять лет много, но можно же выдержать, не то что можно, по-другому нельзя!

Что — голод? Что — бедность? Если у человека есть руки-ноги и голова, как он может голодать? Я днем работала швеей в артели. А по ночам ездила рисовое поле обрабатывать.

И твоя мама — она же старшая — братьев уложит, а сама выходит на балкон и молится, моя девочка: пусть с мамой ничего не случится.

Смотри, ты когда матерью станешь, рожай до тех пор, пока девочку не родишь! Сыновья — счастье, а дочь — это ангел. Для женщины спасение — только в дочери. Это ты сейчас не поймешь, а когда станешь большая, молись, чтобы тебе Бог дочь подарил.

Я возвращалась убитая, засыпала, как бревно, а твоя мама вставала, убирала нашу комнатку — что там было убирать! Мыла пол, осторожно кровати двигала, чтобы мы не проснулись. Утром встаем — а дом блестит. Господи, как я могла еще ее наказывать за что-то! Но я боялась.

Вот голода не боялась, на улице остаться не боялась, а бесчестия — как огня. Что я за детьми не услезу, они по дурной дороге пойдут — только не это, Господи, только не это! Ведь на них и так в школе косо смотрели. Дети троцкиста — это клеймо. Но мои золотые все понимали и изо всех сил старались быть лучше всех. Особенно твоя мама.

Неужели это я, темная деревенская баба, ее родила?! Она-то уж точно ничего не боялась. Чего она только не знала, чего не умела! Да она и сейчас такая — лучше дочери ни у кого нет в мире, и никто

меня не переубедит. Она меня так берегла, все плохие новости утаивала.

Когда ее отец умер в ссылке, ее вызвали в КГБ, а она уже почти взрослая, четырнадцать лет. Пришла в кабинет, почувствовала, что все не так, как обычно. Эти люди все-таки были не совсем звери, видят, что девочка — сталь, прямая как стрела, а все же об отце речь, и надо ей нанести удар.

Объяснили, что отец скончался от болезни. Она оттуда ушла и мне не сказала. Так и держала в себе долго, а потом как-то от других людей весть пришла. Я и не верила никогда до конца, что он умер. Может, думаю, ошибка, перепутали, а он возьмет и вернется.

Или когда у нее был туберкулез — знаешь это? Я детей всегда хорошо кормила, одевать не могла, а кормить — получше тех, что с отцами жили. Да все-таки, наверное, столько переживаний ребенку выпало, она и заболела.

Она зашла в кабинет без меня, строго сказала: мама, ты тут посиди, а врачу говорит — если у вас есть мать или нету — но была же? Ради нее не пишите диагноз. Вы мне скажите, что делать, я вылечусь.

Врач глаза вылупила: вы что, говорит, как можно?! Не имею права! А девочка моя ей: хотите, на колени встану? Мама за дверью сидит, если она услышит про туберкулез, она там же умрет, я знаю. Ничего вам не будет, поверьте. Напишите что-нибудь нестрашное, а мне отдельно — что надо делать, чтобы вылечиться.

Не знаю, как, но врач поддалась. И представь себе — вылечилась твоя мама! А мне сказала уже

много лет спустя. Я, конечно, переживала, но уже не так было страшно.

Отец ее любил особенно. Старшая, девочка — это понятно, но он говорил, что она больше всех на него похожа. Он же был очень музыкальный — играл на гитаре и таскал меня на танцы. Меня! Ну, а я что — куда муж поведет, туда и иду. Откладывал деньги на пианино дочке. Она же потом на всех инструментах играла в школьном оркестре, а пианино там так и не было. Твоя мама хотела, чтобы у нее дети играли и чтобы сделать домашний оркестр. Никто из вас не сгодился на это дело.

А вообще он был такой отец — если, не дай бог, увидит, что я детей наказываю, — гром гремел и молния разила! А что мне было делать? Одно я знаю точно: кто ребенка щадит, тот губит его. Древние говорили — возьми ребенка в кулак, все, что торчит по сторонам, отсеки, а что у тебя в руке осталось, то и воспитывай. И права ведь оказалась. Конечно, при отце они были бы другие. Лучше ли, хуже, не знаю, но — другие. Я что смогла, то и сделала. Наверное, при отце они выросли бы счастливее. А у меня цель: чтобы они были живы, здоровы и с добрым именем. Что хотела, того и добилась. Не до конца, правда...

Потом, когда они выросли, мне стало полегче. И войну пережили, и все стало понемногу налаживаться, и институты закончили, и семьями обзавелись, и дети у них пошли, дети! — я уж думала, сейчас немного передохну. Что? Детей растить — разве это труд? Это радость. Что вы понимаете в жизни? Когда у тебя есть крыша над головой, никто ночью за тобой не придет и не арестует, руки-ноги на месте — на что тут можно жаловаться?

Ты вот Пушкина читала? Сказку про старуху? Ну, про золотую рыбку, да, но она там не главная. Есть такие женщины, это он точно написал. Хоть кучу навали из золота — им все мало! Никогда не бывают довольны ничем. Врагу моему такую жену, и за девять гор от нас такое несчастье. И тебе мой завет: никогда не жалуйся! Чтобы я не слышала от тебя нытья — у меня этого этого нет, у меня того нет! У тебя всё есть! Всё. Нельзя Бога гневить. Каждое утро встаешь — первое слово скажи благодарности. А кто говорит — у меня нету, так у него и не будет ничего.

И у меня всё есть. Только младшего мальчика уже нет... Я думала, кончилась моя жизнь. И тут опять твоя мама меня спасла, тебя родила. Знаешь, как переживала? В сорок лет уже никто не рождает — стыдно, что люди скажут, вот — старая, уже дети почти взрослые, а она еще в молодые метит. У нас соседка была русская, в моем дворе, она так говорила: Бог даст ребенка, даст и на ребенка. Как сказано, а? Ничего лишнего.

А еще докторша была — фамилия такая сложная, никак не запомню. Мама твоя небось помнит, она же умница. Спроси ее потом. Твоя мама волнуется, спрашивает — доктор, я же лекарства принимала от нервов, и старая вроде, не будет ли у ребенка проблем? А докторша посмотрела и говорит — никто не знает, что там с детьми происходит. Мой вам совет — рожайте, вам это всем нужно сейчас. Ну, вот и родила твоя мама и дала мне — это, говорит, тебе, расти, как хочешь, а мне работать надо.

Силком меня вытащила из тьмы. Так что если я не жалею, что вы можете сказать, попробуйте

только рожи скривить! Ты, когда вырастешь, что сделаешь? Правильно, поступишь в медицинский в Ленинграде, купишь мне очки в золотой оправе, а потом родишь пятерых детей, да? Правильно, моя золотая. И кто твоих детей вырастит? Правильно, моя золотая. Если у вас все будет хорошо, я еще проживу. А потом умру, встречу с твоим дедом, а он мне скажет: молодец ты, женушка моя, я на тебя не зря надеялся!

Что значит — не умрешь? Все умрем. Ты же придешь на мою могилу поплакать? Я все услышу и порадуюсь. Ну, хватит тебе, шучу я, прости, шутки у меня так себе.

Хоть бы еще десять лет пожить. А? Не очень много, как думаешь? Ну, тебе-то все мало. И мне мало. А у Бога свои счеты. Я у Него все-таки попрошу, Он мне, может, не откажет.

Господи, еще десять лет. Я ведь здесь еще нужна, нет? Десять. А если силы дашь еще домик свой построить — или это уже чересчур? Там же земля, моим детям от отца осталась. Хоть бы раз на ней в своем доме переночевать. Если много прошу — ладно, пусть будет только десять лет. Или — сколько дашь. Аминь.

ПОЧТИ ПОХИЩЕНИЕ

На изящной бульварной скамейке посреди ровных аллей с кубическими кустами благородного лавра худощавая немолодая женщина, одетая в строгий английский костюм и черные бархатные туфли, наблюдает за лохматой девочкой. Это моя бабушка и я.

Она держит наготове накрахмаленный платочек, чтобы вовремя утереть любое неподобающее нарушение аккуратности. Я бегаю по очерченному ее взглядом квадрату: шаг влево, шаг вправо — расстрел на месте. Выдираю с газона траву, собираю шишечки криптомерий, раскладываю на асфальте камушки, приношу все эти трофеи бабушке и встречаю ее безмерную благодарность. Как тут не захотеть подарить ей еще чего-нибудь хорошего?!

Неподалеку стоит затейливая чугунная урна, я бочком подбираюсь к ней, однако от бабушки не ускользает ни малейшее поползновение:

— Вот только мусора тебе не хватало!

Я набычиваюсь и продолжаю движение.

— Отойди, кому говорю.

— Мммм! — возмущенно мычу я. Любопытно же.

— Настоящая Ясама Упрямецва! Это ведь твое настоящее имя? — сдается бабушка. — Только не

трогай, я тебя подниму. На, смотри, довольна теперь?

Я на весу заглядываю в урну, вижу размокшие бычки, листья и хвою.

— Ммммм,— требую поставить меня на землю: теперь можно заняться другими делами.

В такую рань здесь народу немного, изредка прошаркает задумчивый пенсионер, глянет сквозь роговые очки на копошение в кустах, кивнет бабушке, да и продолжит бесцельную прогулку, заложив руки за спину.

— И не скучно одному ходить? — вполголоса делится со мной бабушка. — Взял бы ребенка прогуляться — небось не ходил бы такой смурной.

Для бабушки и для меня совершенно очевидно, что у всякого дедушки в доме должны быть внуки, иначе ему от бесполезности житья вообще незачем высовывать нос на люди.

Другие скамейки расположены на приличествующем уединению расстоянии и все заполнены комплектами взрослых и детей, у кого мамы, у кого няни, у кого бабушки. Я уверена, что самая правильная комплектация там, где бабушки.

— Это ваша внучка? — восклицает неизвестная прохожая.

Бабушка острыми глазами оценивает любопытную и иронически вежливо кивает.

— Небось не дочка,— намекает она на свой очевидный статус.

— Боже мой, какая девочка хорошая! — сюсюкает со мной незнакомка. Тоже мне новость — конечно, хорошая, и я благосклонно протягиваю тете круглые шершавые шишечки.

